

Раскольников идет на *пробу* и уже чувствует неправильность своей идеи. Но чувствует он это на уровне подсознания, не может сформулировать. Отказывается от объяснения и автор. В эпизоде перед убийством старухи пауза словно повторяет паузу в сцене *пробы*, однако ощущение усиливается: «Старуха взглянула было на заклад, но тотчас же уставилась глазами прямо в глаза незваному гостю. Она смотрела внимательно, злобно и недоверчиво. Прошло с минуту; ему показалось даже в ее глазах что-то вроде насмешки, как будто она уже обо всем догадалась. Он чувствовал, что теряется, что ему почти страшно, до того страшно, что кажется, смотри она так, *не говори ни слова еще с полминуты*, то он бы убежал от нее» [С. 62]. Здесь реально существует только сознание Раскольникова, второе сознание – старухи – мнимое, конструируемое первым. Сквозь психологическую мнительность Раскольников воспринимает действия старухи, в частности, ее взгляд, как нечто особенное; ему кажется, что той все известно. На первый план выступает идея *кары, внутреннего наказания*. Сознание как бы переходит в другого и судит героя со стороны. Насмешка в глазах процентщицы предваряет смех убиваемой вновь старухи в бредовом сне Раскольникова (осмеяние как «развенчание») и будущее поражение (потеря себя).

Подобная структура будет свойственна вообще большинству пауз умолчания в романе: расположение героев «глаза в глаза» (в подчеркивании такого положения Достоевский даже «грешит» против правильности речи: «уставилась глазами»), отсутствие вербального выражения («не говори ни слова»), длительность паузы («еще с полминуты»).

«Проговаривание» идеи как стремление выдать себя присутствует в паузах умолчания как *символика срыва*. Наиболее ярко такая символика выражена в диалоге с Заметовым (в трактире). Раскольников как бы угадывает и воплощает в слове «безмолвные» мысли Заметова. *Символика умолчания* как срыва подчеркивается метафорой-сравнением («Страшное слово, как тогдашний запор в дверях, так и прыгало на его губах: вот-вот сорвется, вот-вот только спустить его, вот-вот только выговорить!» [С. 128]) – «прыгающее слово» и «запор в дверях», связь со сценой убийства, страх разоблачения и в то же время необходимость донести на себя.

Таким образом, оппозиция *не проговориться – проговориться* (*про-молчать – сказать*) реализуется в двух значениях, в двух романских планах – эмпирическом и мифологическом: не выдать себя, но тогда окончательно отступить от Бога и потерять связи с людьми – или выдать себя, принять наказание и в перспективе – покаяться.

Для романа характерны и *пороговые* паузы умолчания. В них, в частности, отражается борьба двух сторон сознания, двух начал в человеке: герой постоянно мечется между темной и светлой сущностью, между «черной лестницей» и «воскресным звоном колоколов» [С. 210]. Пре-